

Его спокойный и послушный вид невольно улучшил настроение Цинь Яна, и он сам протянул руку, чтобы помочь Цзян Юю найти карманы на его синей куртке. Цзян Юй тут же перестал ерзать, послушно подняв руки, в которых держал конфеты, и сидел смиренно, позволяя Цинь Яну искать карманы.

Одежда, которую носил Цзян Юй, была старого фасона, похожего на китайский костюм «чжуншаньчжуан», с четырьмя карманами: два верхних были декоративными, а два нижних — глубокими и широкими. Когда-то темно-синяя ткань уже выцвела от многочисленных стирок, а брюки были мятыми и грязными. На ногах у него были кеды «Цзефан», покрытые грязью и явно не по размеру, вероятно, они принадлежали его покойной бабушке.

Цинь Ян открыл карман:

— Положи сюда.

Цзян Юй осторожно положил все конфеты в карман, затем провел рукой по набитому карману, и в его глазах постепенно появились радость и удовлетворение. Он сжал губы, улыбаясь.

Он радостно посмотрел на Цинь Яна, затем опустил глаза на карман, снова поднял взгляд на Цинь Яна и снова посмотрел на карман. Повторив это несколько раз, он вдруг произнес:

— Спасибо, брат Цинь Ян.

Цинь Ян удивленно поднял бровь:

— Ты помнишь, как меня зовут?

Цзян Юй медленно кивнул, его растрепанные волосы покачивались в такт движению:

— Бабушка сказала, что если я буду играть с братом Цинь Яном, то другие меня не обидят.

В детстве Цзян Юя часто обижали деревенские дети, и его бабушка просила Цинь Яна присматривать за ним. За это она часто варила ему яйца.

Цинь Ян слегка нахмурился, размышляя. С тех пор как в 1984 году его отец стал инвалидом, он перестал играть с деревенскими детьми и начал с раннего утра до позднего вечера ходить с матерью в горы, чтобы собирать все, что можно было продать. С тех пор он больше не видел Цзян Юя. Позже, в 1987 году, его мать уехала из деревни, оставив их троих, и он начал искать работу в соседних деревнях ради еды. Со временем он уехал все дальше, в город, и за все это время у него не было никаких контактов с Цзян Юем. Поэтому тот факт, что Цзян Юй помнил его имя и четко произнес его, удивил Цинь Яна.

Он внимательно посмотрел на Цзян Юя, а тот с радостью смотрел на него. Затем Цзян Юй снова опустил глаза на карман с конфетами. Цинь Ян вдруг понял, что Цзян Юй вовсе не глуп. Он не только умеет читать эмоции, но и вежлив, умеет говорить спасибо. Даже если он очень хочет конфет, он не станет есть их сразу.

Цинь Ян улыбнулся:

— Если хочешь, достань и съешь.

Цзян Юй кивнул, засунул руку в карман, вытащил одну конфету, осмотрел ее и протянул Цинь Яну, предлагая ему.

— Я не буду, ешь сам.

Цзян Юй забрал конфету и начал аккуратно разворачивать обертку. Затем он положил белую молочную конфету в рот, держа ее в левой щеке, отчего она надулась. Он улыбнулся Цинь Яну, прищурился глазами, и начал самостоятельно разглаживать обертку, складывая ее несколько раз, тихо играя.

Цинь Ян присел перед ним, наблюдая за тем, как он складывает бумагу.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась.

Цинь Ян повернулся на звук, а Цзян Юй вздрогнул от неожиданности, его взгляд, как у испуганного оленя, устремился к двери.

Цинь Ян заметил это, и в его сердце закралось беспокойство. Сколько же раз его пугали, чтобы он стал таким бдительным?

Вошедшей оказалась Цинь Фэн. Она несла в руке мешок, наполовину заполненный чем-то, и, войдя, собиралась что-то сказать, но увидела настороженного Цзян Юя.

Цинь Фэн удивилась:

— Эй? Брат, почему этот дурачок у нас дома?

— Я увидел, что его обижают, и никто за ним не присматривает, поэтому привел его домой, — объяснил Цинь Ян, вставая и подходя к ней. Он открыл мешок и увидел, что там была кукурузная мука. — У кого купила?

— У учителя Ма, — ответила Цинь Фэн, глядя на Цзян Юя с жалостью. — Этот дурачок очень несчастный. С тех пор как бабушка Ян умерла полмесяца назад, он каждый день спит в куче соломы у входа. Брат, ты не думаешь, что его родители бросили его? После смерти бабушки они так и не вернулись. Может, они тоже умерли?

Цинь Ян посмотрел на Цзян Юя и нахмурился:

— Не говори ерунды. Дядя Чжу не навещал его?

Цинь Фэн ответила:

— Навещал. Дядя Чжу даже забрал его к себе домой, сказал, что усыновит. Но через пару дней дурачок сам вернулся, а на шее у него появилось много царапин. Думаю, это Чжу Тинтин поцарапала. Она всегда дерется, любит царапаться. Я тоже от нее получала.

— Понятно, — сказал Цинь Ян. — Теперь он будет временно есть с нами. Пойди, вскипяти воды, я его приведу в порядок.

Цинь Фэн не возражала, даже была рада. Она весело согласилась и пошла разжигать огонь.

В это время из комнаты раздался голос отца Цинь:

— Ян Ян, ты хочешь, чтобы он ел с нами?

Цинь Ян посмотрел на Цзян Юя и спокойно ответил:

— Да.

— Ты сам еле-еле наедаешься, а еще хочешь кормить постороннего! Ты ищешь проблем? — крикнул из комнаты отец.

— Я знаю, что делаю.

Домашний очаг давно не использовался. С тех пор как Цинь Ян уехал на заработки, Цинь Фэн и их отец питались у бабушек. Им приходилось платить за еду, а Цинь Фэн часто сталкивалась с презрением со стороны бабушек, живя в тяжелых условиях.

Очаг было трудно разжечь, так как его давно не использовали. Кукурузные початки, брошенные в огонь, никак не загорались, а только наполняли дом густым дымом. Цзян Юй, увидев это, не побежал проветриться, а подошел к очагу и начал вместе с Цинь Фэн дуть в огонь, надувая щеки.

Цинь Ян не стал его останавливать, а только попросил Цинь Фэн присмотреть за ним. Сам он взял деревянное ведро и пошел за водой.

Цинь Ян сбегал несколько раз, чтобы наполнить домашний бочонок водой. Едва он поставил коромысло, как его бабушка с трудом выкатила на двор полутораметровый глиняный бочонок.

Она поставила бочонок во дворе, огляделась на дымящийся дом, затем вернулась в дом, взяла сломанную бамбуковую щетку и начала чистить бочонок. Чистя, она громко ругалась, обращаясь к дому:

— Я же говорила тебе, старый пьяница, меньше пить! Ты не слушал! Теперь сломал ногу и ничего не можешь делать. Ты спокойно лежишь в постели, а вся работа в поле и дома легла на меня, старую кость. Я одна должна носить воду, лучше бы я сломала шею!

В доме Цинь Фэн и Цзян Юй с тревогой и страхом стояли у очага, глядя на Цинь Яна.

Цинь Ян оставался спокоен. Он поставил ведра одно на другое, услышав намеки бабушки, но не стал ничего говорить. Он подошел к очагу, посмотрел на алюминиевую кастрюлю с кипящей водой, положил руку на плечо Цинь Фэн и шепнул:

— Ты всегда носишь воду дома?

Цинь Фэн кивнула, с обидой в голосе:

— Я и воду ношу, и готовлю.

Цинь Ян глубоко вздохнул и многозначительно кивнул:

— Теперь воду буду носить я. Пойди, найди мне ножницы.

Цинь Фэн согласилась, побежала в комнату отца и принесла железные ножницы, которые передала Цинь Яну.

Цинь Ян взял маленький стул и пошел к выходу, оглянувшись на Цзян Юя:

— Идем со мной.

Цзян Юй тут же последовал за Цинь Яном. Выйдя из дома, он увидел бабушку Цинь, которая

грозно мыла бочонок, и, сжав плечи, спрятался за Цинь Яном.

Бабушка Цинь, заметившая Цинь Яна краем глаза, выпрямилась и, увидев, что он ведет дурачка, крикнула:

— Ян Ян, зачем ты взял стул?

Цинь Ян, не останавливаясь и не глядя на бабушку, ответил:

— Похожу посижу.

— Что там сидеть? — недовольно пробурчала бабушка. Она говорила одна, а Цинь Ян даже не предложил помочь ей с водой. Она прямо сказала:

— Если тебе нечего делать, помоги мне принести несколько ведер воды. Дома нет воды, а потом нужно будет нагреть воду, чтобы обтереть твоего деда. Он все время лежит в постели, врач сказал, что нужно поддерживать гигиену, чтобы не было пролежней.

— Хорошо, — ответил Цинь Ян, продолжая идти и выйдя за ворота.

Бабушка, видя его равнодушие, с раздражением сказала:

— Сначала принеси воду, потом гуляй. Мне вода нужна.

Цинь Ян не ответил. Он повел Цзян Юя за пределы двора, к небольшой роще рядом с домом. Он посадил Цзян Юя на стул, снял с него синюю куртку и повесил ее на ветку дерева, затем начал подстригать его волосы.

Прохладный ветерок дул со всех сторон. Цзян Юй спокойно сидел на стуле, слегка дрожа. Хотя уже был май, температура все еще была нестабильной, и в дождливые дни в горах было особенно прохладно.

<http://bllate.org/book/17698/1652165>